

Бессмертный счет поэта

Издание собрания сочинений Марины Цветаевой, завершенное в прошлом году московским издательством «Эллис-Лак», получило свое достойное продолжение. В том же издательстве и, добавим, в том же оформлении вышел капитальный труд Анны Саакянц «Марина Цветаева. Жизнь и творчество». Книга представляет собой итог, и притом важнейший, многолетней работы автора на поприще исследования биографии и творчества Марины Цветаевой, публикации ее произведений, постоянной, в течение двух с лишним десятилетий, борьбы за каждую строчку поэта с официозностью, неграмотностью и равнодушием.

Эта книга не биография М.Цветаевой в чистом виде и не литературоведческое исследование, хотя в ней есть и то и другое. Она о жизни и творчестве (жизнотворчестве) Поэта, его личности и судьбе. На данном этапе изучения М.Цветаевой только что вышедшая книга является самой полной и самой современной. (При этом мы, конечно, помним книги С.Карлинского, М.Разумовской, В.Швейцера, В.Лосской, каждая из которых была важной вехой в развитии цветаведения и внесла в него свой значительный вклад.)

Книга начинается не «от пеленок», то есть детства и родителей, а с момента выхода первого цветаведческого сборника стихотворений «Вечерний альбом». Очевидно, что автор умышленно не стал пересказывать практически исчерпывающие «Воспоминания» Анастасии Цветаевой. Все повествование в книге Анны Саакянц, от 1910 до 1941 года, ведется подробным образом, без пропусков, без лакун в творчестве и биографии поэта. Задача эта, при существующем положении с закрытым архивом М.Цветаевой, является достаточно трудной. Тем не менее, автору удается проследить жизнь Цветаевой по месяцам, неделям, а порой и дням. «Плотность» освещения событий в таких случаях доходит до предельной: «...Седьмым февраля Цветаева датировала «Письмо» — «Новогоднее». Это ее любимое число вдобавок было сороковым днем кончины Рильке... Восьмым февраля — мольба к Саломеи Николаевне (Андрониковой-Гальперн. — Л.М.) об издании с явным намерением повидаться через неделю. Девятое февраля стоит под большим письмом к Пастернаку — ответ на его от 3-го...» и т.д. Из этого примера, однако, не следует делать вывод, что данная книга — летопись жизни и творчества поэта. На протяжении всей книги А.Саакянц пытается решить задачу, которую сама поставила в своем предисловии, писать жизнь Поэта, как она есть, не отрывая житейное от творчества, слитно. Чего, пожалуй, так подробно применительно ко всему жизненному пути Цветаевой еще никто не делал.

Автор пишет заинтересованно, увлеченно, однако без всяких признаков «захлеба», так часто встречающейся цветаведской экзальтации, постоянно стремится, из страницы в страницу, добаться до сокровенной сути цветаведской личности и — отсюда — поэзии. При рассмотрении всевозможных коллизий, возникавших в жизни поэта, в быту, в отношениях с близкими и знакомыми, Анна Саакянц всегда исходит из того, что Марина Цветаева «ни на единую секунду своей жизни не переставала быть поэтом. Великим поэтом в великой двойности своей природы, которая никогда не делилась, не оборачивалась однозначностью, — разве только попеременно выявлялось то в большей, то в мень-

шей степени одно или другое «полюшарие» этой таинственной планеты». И в книге Цветаева ни на секунду не перестает быть поэтом, идет ли речь в данный момент о Цветаевой-жене или Цветаевой-матери, Цветаевой-эссеистке или Цветаевой-переводчице и т.д. Автор цитирует, упоминает, толкует огромное количество стихотворений (едва ли не половину всех известных), давая тем самым высказаться своей «героине» достаточно щедро. А как еще дать образ поэта, о ком пишешь? От этого книга выглядит убедительно психологичной. Авторский текст, который сопровождает многочисленные стихотворения в книге, наверняка будет близок душевному настроению большин-

ства ее читателей. Как, например, после чтения «Сивиллы». «Есть в цветаведской лирике несколько таких Монбланов, таких вершинных вещей, которые постигаешь постепенно, и чем дальше, тем бездоннее становится их смысл, и с первоначальной силой поражают строки и даже отдельные слова, на которые поначалу скользнул взгляд, недостаточно задержалось сознание».

«Марина Ивановна вечно нуждалась в близкой (очень близкой) дружбе, даже больше — в любви. Этого она везде и всюду поразительно искала...» — писал Роман Гуль. В книге даны словесные портреты и психологические характеристики людей, составлявших близкое окружение Цветаевой. Запоминаются проникновенные страницы, посвященные Сергею Волконскому, Вышеславцеву, Вишняку, Гронскому, Евгению Ланну, Борису Пастернаку, Штейгеру. Наиболее сильно, на наш взгляд, написана глава, где главным действующим лицом, разумеется, после поэта, становится Константин Родзевич, человек, внушивший, по словам автора, Марине Ивановне «самую в ее жизни сильную (ибо осуществившуюся, свершенную на «земле», а не только «в небесах») страсть». А приведенные здесь же неопубликованные письма К.Родзевича к автору и его автобиография придают образу героя «Поэм» еще большую яркость и выразительность.

Коль скоро мы упомянули не опубликованные ранее документы, особо отметим, что подобных материалов в книге предостаточно, что и делает ее самой современной на сегодняшний день. Читатель впервые получает возможность познакомиться с неизвестными письмами С.Эфрона к своим сестрам, некоторыми выписками из цветаведских тетрадей, не попавших в ее собрание сочинений, выдержками из переписки В.Сосинского с невестой, А.Черновой, в которой Цветаевой уделено много внимания, и др. Большинство из указанных материалов Анна Саакянц получила в свое время от Ариадны Эфрон. Имя дочери поэта, как человека, с кем автор долгие годы вместе работала над изданиями М.Цветаевой, постоянно встречается на страницах книги: сохранившиеся записи со слов Ариадны Сергеевны, зафиксированные памятью разговоры, ее рассказы о семей-

ном быте, суждения об окружении Цветаевой и т.д. В случаях, когда автор не согласен с этими оценками, следует аргументированное возражение. Как, например: «Вероятно, не совсем права Ариадна Эфрон, от которой мне не раз доводилось слышать горькие суждения: «Как же мама была неразборчива, какими ничтожест-

вечает на этот вопрос утвердительно... знала ли она, что он советский агент? Нет, конечно, такие вещи не проносились. Узнала из газет».

В книге категорически отвергается утверждение Анастасии Цветаевой о том, что Марина Ивановна ушла из жизни ради сына, приводятся подробные доводы о яв-

ной несостоятельности обвинений в адрес Мура. Версию, обнародованную в семидесятые годы Кириллом Хенкиным о решающей роли НКВД в гибели Цветаевой, якобы склонявшего ее к сотрудничеству, неподтвержденную документами и явно недоказуемую, автор также не

приемлет. Анна Саакянц делает предположение, что эта таинственная история была раздута на основании дневниковой записи Мура от 20 августа, в которой говорилось, что работы в Елабуге для матери нет кроме переводчицы с немецкого в НКВД. Очевидно, что подобный документ не дает никаких оснований для возникновения каких-либо сюжетов. Все повествование заканчивается словами автора: «Быт и бытие. Их противостояние. Их... согласие (!) Ибо 31 августа 1941 года бытовые (земные) и бытийные (запредельные) причины и побуждения слились воедино...» — и Цветаевой «Так край меня не уберег / Мой, что...»

Говоря о недостатках книги, отметим лишь один из них, но на наш взгляд, самый серьезный. Имеется в виду отсутствие полного свода ссылок на конкретные источники. Обширный список использованной литературы, данный в конце книги, и отдельные отсыл-

ки в самом тексте облегчают работу специалистам с книгой лишь частично, в лучшем случае напополю. Справедливости ради подчеркнем, что оговоренный выше недостаток с лихвой компенсируется шестью (!) различными указателями. Среди них: именной, указатель произведений и книг Цветаевой, критических отзывов на ее публикации, указатель публичных выступлений и др. (составлены Т.А.Горьковой).

25 января, в Татьянин день, в Музее М.Цветаевой в Болшево состоялось представление книги Анны Саакянц читателям.

Открывая встречу, научный сотрудник музея Софья Клепинина выразила глубокую благодарность от имени всех почитателей таланта Цветаевой автору книги и ее издателям и предсказала долгую жизнь как самому собранию сочинений поэта, так и приложению к нему: книге Анны Саакянц. Главным редактором издательства Татьяна Горькова остановилась на отличительных особенностях представляемой книги от книг других авторов, посвященных Цветаевой. Книгой А.Саакянц, по мнению редактора, завершается первый этап изучения творчества Цветаевой в России.

Известный специалист по истории книги Вера Гречанинова рассказала собравшимся о первых годах работы Анны Саакянц над Цветаевой, о ее решительных попытках преодолеть существующие в то время запреты, цензурные барьеры, бюрократизм литературных чиновников.

Об «объемном взгляде» автора на судьбу и личность поэта, о своих впечатлениях, полученных от приведенного в книге анализа самых трудных поэм Цветаевой («Попытка комнаты», «Поэма лестницы», «Поэма воздуха»), поведала актриса и педагог Антонина Кузнецова.

Л.Мнухин остановился в своем выступлении на значении и ценности вышедшей книги как для специалиста, так и всех тех, кто любит поэзию Цветаевой.

В заключительном слове Анна Саакянц рассказала о долгом и непростом пути книги к читателю. «Праздник души и поэзии» — таково было общее мнение о прошедшем вечере всех его участников.

ЛЕВ МНУХИН

Москва

АННА
СААКЯНЦ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Москва
ЭЛЛИС-ЛАК
1997

вами обольщалась!» Но ведь Марина Цветаева уже раз и навсегда отвела это суровое суждение. (Знакомая с человеком, обращающаяся к нему с письмом или стихотворением, Цветаева уже проявляла, говоря словами автора книги, «свое абсолютнейшее доверие к человеческой величине собеседника. — Л.М.) Личных «счетов» было в ее жизни множество, и в сумме они составляли именно личные: судьбы, характеры, отношения. Вечный, бессмертный счет был единственный: Творчество...»

В разные времена, поочередно, в некоторых книгах и публикациях о Цветаевой возникали спорные, развивающие «моду» на Цветаеву, сюжеты типа: работа Сергея Эфрона в НКВД и «проблема» — знала ли об этом Марина Ивановна, вина сына в ее гибели, роль НКВД как «последней капли» в елабужской трагедии и т.п. Анна Саакянц резко отрицательно относится к такого рода «версиям». Сергею Эфрону, единственному человеку, «чей образ ни в жизни (Цветаевой. — Л.М.), ни в поэзии не только не был разрушен, но совершенно не потускнел» и который все время мысленно находился рядом с поэтом, в книге отведено немало глубоко продуманных автором страниц. «Принято считать, что он стремился искупить, как ему казалось, свою вину перед родиной. Думается, дело было не столько в искуплении вины, сколько в полном крахе всех его надежд в эмиграции, а также в страстном желании самоутвердиться, значить что-нибудь, прекратить наконец неудержимое скатывание вниз от очередной неудачи к следующей. Его «просоветские» взгляды были весьма легковесны и непродуманны, — что явствовало из его печатных работ, — кстати, резко пошедших на убыль. Теперь он был занят только мыслью о скорейшем возвращении... поисками путей возврата, которые со временем все сильнее и непоправимее втянут его в преступный и смертельный водоворот событий и поступков, откуда будет лишь один исход, — чего этот ослепленный фанатик не поймет никогда. Либо поймет слишком поздно...» Вернемся к вопросу о том, знала ли Марина Ивановна, чем занимался ее муж. Автор дает краткий и удивительно точный ответ: «Знала ли Цветаева о его деятельности? Она (Цветаева. — Л.М.) от-